18 ИЮН 1970
ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЯ

ДРЕВНЕЕ, НО ГРОЗНОЕ ОРУЖИЕ

Московский областной театр юного зрителя — театр молодой и для молодых. Естественна смелость коллектива, решившегося создать, в сущности впервые в истории русской драматической сцены, спектакль на основе «Слова о полку Игореве», величайшей древнерусской поэмы, чудом сохранившейся до нынешнего времени.

Оглядка на прославленную оперу Бородина могла бы лишь помешать драматургам и театру в их поисках самостоятельного решения, могла бы соблазнить «оперностью», не подкрепленной бородинской музыкой, свободно и независимо воплощающей образность и страсть поэмы «Князя Игоря», его идейную глубину и значительность.

Однако народное присловье утверждает: без отваги нет и браги, а «брага» на небольшой площадке МОТЮЗа наличествует — добротная, свежая, пахучая. Пусть она еще не вполне прозрачна; придет срок — доспеет, отстоится. Спектакль этот — не на один сезон. Он должен занять прочное место и в репертуаре театра, и в сердцах его зрителей любого возраста.

Удача спектакля начинается с пьесы. «Слово о полку Игореве» сложено на языке XII века, трудном для понимания, местами неясном для нас, но вместе с тем необычайно выразительном, образном и звучном. Многочисленные переложения на современный русский язык, начиная от перевода В. А. Жуковского и до наших дней, нечто передают, но многое невозвратно утрачивают, и то, что утрачивается, коренится в языке — волшебном, странном, как бы доносящемся из глубины столетий, но все еще полнокровном и живом.

Если бы Л. Виноградов, М. Еремин и К. Мешков попытались драматургически иллюстрировать, воспроизвести на сцене «Слово» как таковое, они потерпели бы поражение, подобное тому, которое потерпел некогда сам новгород-северский князь. Но они написали самостоятельную пьесу, одушевленную мыслью, главенствующей в поэме. Мысль эта сегодня столь же действенна, как восемьсот лет назад. дорога нам не меньше, чем безымянному автору «Слова». Единство — вот к чему призывает он. Сила Руси в единстве. Пока Русь едина — никто и ничто ей не страшно; все превозможет, всех переборет. О единстве — и пьеса и спектакль, и если в них ощущается подлинное веяние духа гениальной поэмы, то лишь потому, что драматурги и театр, не покушаясь на невыполнимое, перенесли на сцену то, что естественно поддавалось такому переносу, творчески дополнив текст и действие, руководствуясь неувядаемой идеей «Слова».

Постановка спектакля, режиссерская трактовка (главный режиссер театра — заслуженный деятель искусств РСФСР Виталий Фридман) своеобразны и убедительны. Действие развивается динамично, в нарастающем темпе, сопровождаемое превосходно смонтированной музыкой Танеева, Прокофьева, Скрябина, Шостаковича, Стравинского (музыкальное оформление С. А. Вихолайнен). И действие всегда доминирует над музыкой. «Оперности» в дурном смысле этого слова, стилизации, иллюстративности — ни следа. Эпическая монументальность решения совмещена с подлинным реализмом. Многочисленные режиссерские находки монтируются естественно и без «щегольства». Во всем ощущается любовь к «Слову», к русской старине, взволнованность ими, понимание их значения. При этом постановщик создал спектакль вполне современный, опирающийся на достижения более чем полувековой сценической культуры советского театра.

В действие введена весьма многолюдная группа скоморохов, как бы комментирующая мимически события, предваряющая их, оценивающая их истинный смысл. Скоморохи в спектакле этом уместны: они действительно помогают временами раскрытию подтекста поэмы театральными средствами. Однако не так уж часто. Иногда они слишком суетливы и навязчивы, мешают даже восприятию происходящего на сцене. И это следует также отнести за счет все той же «неотстоенности» спектакля, о которой говорилось выше.

В спектакле закономерно выступает хор дружинников, возглашающий в унисон необходимые отрывки из самого «Слова», группа плакальщиц — в сцене «Плач Ярославны».

Работа актеров, особенно ведущих, характерна на нынешнем «раннем» этапе жизни спектакля общим стремлением как можно явственней и полней донести до зрителя текст пьесы — сложный, непривычный, приподнятый, что по большей части и удается. Но такая односторонняя сосредоточенность несколько сковывает исполнителей и мешает им вжиться в роли, создать психологически законченный, полнокровный рисунок воплощаемых образов. Порою монументальность оборачивается статичностью, а патетика — декламацией. Есть все основания полагать, что в процессе «дозревания» спектакля и эти недочеты сгладятся и исчезнут. Об этом с особой взыскательностью следует позаботиться режиссеру.

Но уже сегодня хочется отметить превосходное и умное исполнение многоплановой и очень нелегкой роли шута Рыло (артист И. Ф. Дурындин), требующей, помимо всего прочего, незаурядной подвижности, ловкости и поистине акробатических навыков.

Главный художник театра Александр Тарасов с полным правом может быть назван равноценным соавтором спектакля: так много он сделал для его привлекательности. Об этом оформлении трудно писать — его надо увидеть.

Могучий световой занавес поднимается под углом, вверх от рампы. За мерцанием рассеивающегося света возникает барельефная, серебряная чеканка массивных врат, занимающих всю заднюю стену сценической площадки. Огромные металлические формы, ассоциирующиеся с деталями древнерусских архитектурных сооружений, движутся, объединяются, расходятся, эмоционально обогащая действие, создавая для него пространство игровое. Цветные прожекторы играют на серебре, следуя своей особой световой партитуре. Четыре апокалиптических солнца возгораются и затмеваются. Это оформление под стать пьесе и спектаклю. Оно и современно и архаично; оно дышит старниною, не подражая ей, оно не музейно, исторически не достоверно, но ему веришь.

Сказанное относится и к костюмам. Особенно поражает костюм шамана, задуманный и исполненный на уровне произведений высокого станкового искусства.

Московский областной ТЮЗ еще раз утвердил свою заслуженную репутацию вдумчивого, одаренного и творчески смелого коллектива. Многие и многие молодые зрители, у которых воспоминания о «Слове о полку Игореве» зачастую связаны, увы, с неудовлетворительными школьными отметками, увидев «Слово» на сцене, захотят по-новому перечесть гениальную поэму. И в этом тоже большая заслуга театра, создавшего благородный, высокоталантливый и очень своевременный спектакль, вновь обнаживший древнее, но грозное оружие безымянного певца-дружинника, призывавшего к единству русичей.

А. ШТЕЙНБЕРГ.